

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 66.3(510):338.24

Ю.В. ИРХИН, д. филос. н., профессор кафедры политологии и политического управления
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва, проспект Вернадского, 84

профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, Миусская площадь, 6
Электронный адрес: Irkhine@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И ПРОЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ¹

Целью статьи является комплексное изучение основных мегатенденций общественного развития и управления конфуцианских стран на примере Китайской Народной Республики. Автор раскрывает их содержание, управленческий и проектный потенциал, особенности реализации в условиях современного Китая, рассматриваемого как государство–цивилизация. Особое внимание уделяется вопросу о возможностях использования потенциала управленческих мегатенденций и опыта конфуцианских стран в современной России.

В статье проанализированы основные мегатенденции развития и управления конфуцианских стран. Автор исследует современную неоконфуцианскую модель управления КНР как государства–цивилизации, ее достижения, преимущества, проблемы и перспективы. Особое внимание уделяется анализу управленческих мегатенденций общественного развития КНР. Показано значение современного китайского неоконфуцианского опыта управления для России.

Ключевые слова: мегатенденции; азиатские ценности; конфуцианство; новый государственный менеджмент; институциональная среда

Последние четыре десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) стабильно демонстрирует высокие и устойчивые темпы экономического и

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) на 2013–2015 гг.; проект 2.1.1. кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

социального развития, составляющие до 8% ВВП в год [8]. Каждое десятилетие ВВП Китая практически удваивалось и по этому показателю страна вплотную приблизилась к США, став второй экономической державой планеты (а по паритету покупательной способности объемом в 17 трлн дол. – заняла первое место в мире).

КНР является ведущим государством конфуцианской цивилизации, которая охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу, дальневосточного макрорегиона. Она включает также Вьетнам, Республику Корею, Сингапур, Тайвань, Японию и др. Характерной особенностью этой цивилизации является ее неотрадиционалистская, неоконфуцианская политическая и культурная матрица управления обществом, которая позволяет решать ряд задач не только индустриального генезиса, но и перехода к постиндустриальному развитию. Как показывает опыт, неоконфуцианские структуры и институты «управляемой» демократии успешно формируют необходимые условия и предпосылки для быстрого социально-экономического развития соответствующих стран [4].

Прогресс стран конфуцианской цивилизации, их прыжок «из третьего мира в первый» (по образному выражению и одноименной книге лидера и основателя современного Сингапура Ли Куан Ю) обусловлен совокупностью ряда факторов. Среди них:

- 1) эффективная конфуцианская этика труда, развитие предпринимательской инициативы;
- 2) всемерная поддержка экспортной стратегии страны;
- 3) лояльность большинства населения к органам власти;
- 4) умение элит и предпринимателей ставить и успешно решать долговременные задачи;
- 5) эффективное лидерство и управление в эпоху противоречивой глобализации, углубляющейся мировой конкуренции за рынки сбыта и сферы влияния, становления информационного общества [6].

Особое значение для успешного экономического развития и политической стабильности конфуцианских стран имеет рациональное использование их политическим руководством системы конфуцианских и постконфуцианских принципов и максим для интеграции общества, актуализации технологических инноваций, совершенствования управления государством, выработки долговременных стратегий и др.

В этих странах популяризируется понятие «азиатские ценности», включающее: 1) иерархический коллективизм; 2) патерналистскую меритократию (благотворное правление моральной и инновационной элиты); 3) стремление к межличностному взаимопониманию, взаимодействию и приспособлению; 4) принципиальную роль коллективных интересов и их гармонию; 5) приоритет семьи [12].

Главное, пожалуй, состоит в том, что указанные страны разработали долговременную, эффективную стратегию своего социально-экономического, научно-технологического, культурного и политического генезиса при творческом использовании традиционных конфуцианских принципов и максим в современных условиях. Причем, конфуцианство предполагает, в частности,

именно долговременные, стратегические, часто циклические подходы к пониманию общественного генезиса. Это актуализирует задачу комплексного анализа и разработки основных управленческих мегатенденций развития в условиях конфуцианских стран.

Под мегатенденциями понимаются основные долговременные тренды (тенденции) общественного развития (мира, цивилизации, страны). Комплексные долговременные прогнозы на конец XX – начало XXI века были впервые озвучены в известных трудах Дж. Нейсбита “Мегатенденции: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь” и “Мегатенденции. Год 2000” [12]. В этих исследованиях были представлены ведущие тренды глобального развития на 90-е годы XIX – начало XXI века. Указанные труды были опубликованы в большинстве стран мира общим официальным тиражом более 14 млн экземпляров (!). Именно после этих работ понятие «мегатенденции» стало широко использоваться в современной научной литературе [7].

В своем новом исследовании “Китайские мегатренды: столпы нового общества”, Джон и Дорис Нейсбит попытались углубить и расширить содержание известных мировых трендов путем разработки долговременных тенденций и управленческих принципов развития, характерных именно для конфуцианских обществ [13].

Попытки авторов понять и раскрыть через конфуцианскую матрицу и соответствующие мегатенденции ведущие факторы развития КНР заслуживают внимания. В книге показаны следующие мегатренды: «Освобождение разума»; «Баланс векторов: “сверху вниз” и “снизу вверх”»; «Высаживание деревьев: “пусть растут леса”»; «Вброд через реку, нащупывая камни»; «Художественная и интеллектуальная подпитка»; «Присоединение к миру»; «Свобода и справедливость»; «От олимпийского золота к нобелевским премиям».

Рассмотрим их подробнее.

Первый мегатренд – «Освобождение разума». Он подразумевает переосмысление идеологии и корректировку управленческих ценностей: ведущее место отводится конкурентоспособной и эффективной стратегии экономического роста. Критериями истинности идеологических концептов выдвинуты практика и факты: «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей» (Дэн Сяопин). После «культурной революции» 70-х гг. XX в. были разрешены партийные дискуссии о развитии страны. КНР стал лидером по числу публикаций – 3 млрд журналов и тираж в 6 млрд экз. книг ежегодно! Приветствуется высшее образование за рубежом (особенно второе – для менеджеров, после первого образования в КНР). Только в США обучаются 80 тыс. китайских студентов.

Принцип «освобождения разума (или мышления)» предполагает:

- 1) обязательный учет конфуцианских традиций;
- 2) использование опыта Запада без ломки политической системы КНР, в основе которой лежит руководящая роль Коммунистической партии Китая (КПК). КНР – это страна, которой следует управлять именно как компанией или корпорацией. Китайцы обретают уверенность в семье, группе, партии, коллективе, которые их объединяют. Конфуцианство подразумевает лояльность к стране и правительству, уважение и повиновение учителям и начальникам.

Современный Китай руководствуется стратегической программой развития до 2020 г., которая выстроена на основе двух концепций: «научного развития» и «социальной гармонии». Согласно первой, экономика КНР должна отойти от сложившейся в 90-е гг. XX в. модели роста за счет экспорта дешевых товаров и сконцентрироваться на разработке собственных передовых технологий. Другим источником роста должно стать увеличение объемов внутреннего потребления. Наконец, важными задачами объявлены укрепление рынка, реформа госпредприятий и постепенный демонтаж государственных монополий. В итоге к 2020 г. Китай должен увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г.

Второй мегатренд – «Баланс векторов: “сверху вниз” и “снизу вверх”» – посвящен анализу управления. «Сверху вниз» – это традиционная руководящая роль КПК, но в рыночных условиях. Отсюда: смешанные формы собственности, особые промышленные зоны с западным капиталом, 3 крупнейших из 5 частных банков в мире. Земля также передана в рыночную аренду на 90 лет.

Каждые 8–9 лет 65-летнее руководство Компартии меняется на 55-летних, прошедших, в частности, школу руководства и в особых инновационных экономических зонах (Дэн Сяопин – Цзян Цзэминь – Ху Дзиньтао – Си Цзиньпин). По сути – это вертикальная неоконфуцианская демократия и контекстное лидерство (формирование среды, структуры, ценностей). Сегодня у власти в КНР находится «пятое поколение руководителей» (начиная от Мао Цзэдуна).

«Снизу вверх» – концепция «трех представительств КПК» (70 млн членов): передовых производительных сил (бизнес), передовой культуры, а также фундаментальных интересов подавляющего большинства народа. В КНР функционируют кроме КПК еще 8 партий (Демократическая лига, Революционного комитета Гоминьдана, Ассоциация демократического национального развития и др.). Члены этих партий после консультаций назначаются на различные управленческие должности, включая Госсовет, от них избираются и депутаты. Распространены опросы общественного мнения, создание ассоциаций, контрольных групп на местах, избираемых населением, индекс отбивных у чиновников (количество печатей), выступления (прогулки) с различными требованиями, однако в рамках закона.

Третий мегатренд – «Высаживание деревьев: “пусть растут леса”» – посвящен гибкой управленческой стратегии. Так, правительство определяет политику, а граждане формируют структуры, «окультуривают лес: подстригая высокие и давая простор маленьким деревьям», создают новые экономические институты, децентрализуют управление. Государство рационально вмешивается в экономику и поддерживает бизнес. Сформированы гибкие структуры: разрешена аренда и субаренда земли, созданы более 15 млн частных компаний, совместные предприятия с западными фирмами, особенно в области автомобилестроения и электроники. Мировую известность получили особые экономические зоны: Тяньцзинь – крупнейший порт Северного Китая, Шеньчжень, Шанхай (Пудун) и др. (здесь построили современные заводы Тойота, Самсунг, Моторола). 10% бюджета КНР идет на науку!

Особо следует обратить внимание на то, что в КНР достаточно широко используются принципы и методики нового государственного менеджмента, но их умело трансформируют применительно к китайским условиям институциональной среды. Импорт элементов нового государственного менеджмента и их имплементирование в особую институциональную среду КНР ведется достаточно рационально [10].

В Китае ограничивают индивидуалистические (и эгоистические) крайности неолиберализма. Эффективно, публично и жестко (включая смертную казнь) ведется борьба с коррупцией.

Четвертый мегатренд – «Вброд через реку, нащупывая камни» – это обычно разрешенный метод проб и ошибок, отказа от мелочной опеки, оценки по конечному результату. КПК рекомендует на высокие должности незаурядных работников, даже если они не являются ее членами. Более 1 млн работников КНР работают по контракту, в стране 120 тыс. независимых юристов. Разрешены трудовые и имущественные споры. Количество обращений в суд выросло с 520 тыс. – в 1970 г. до 10 млн – в 2007 г. Решение трудовых конфликтов через суд – рост в два раза.

Как уже говорилось, разрешена и приветствуется деятельность особых экономических зон. Так, Шеньчжень (бывшая рыбацкая деревня в 20 тыс. жителей возле Гонконга) за 30 лет превратилась в современный мегаполис («Пусть одни города разбогатеют раньше» – Дэн Сяопин). Поддерживается создание на базе старых заводов современных государственных предприятий с выходом их продукции на экспорт. (Так, китайская «Хайре групп» довела объем продаж современных электроприборов до 2 млрд дол. в год).

Пятый мегатренд – художественная и интеллектуальная подпитка – связана с максимой Дэн Сяопина о том, что КНР должна «строить две цивилизации: материальную и духовную». По всей стране развернуто строительство многофункциональных культурных центров (только в Шанхае их 109). За пределами КНР функционируют 256 (!) институтов или центров Конфуция – проводников его идей, китайской политики. Доходы китайской киноиндустрии – более 1 млрд дол. Когда в 2012 г. Нобелевскую премию по литературе впервые получил китайский писатель Мо Янь, то буквально в течение часа все тиражи его книг («Страна вина», «Красный гаолян») были полностью раскуплены в стране. КНР также стала ведущей спортивной державой.

Мировое признание получил китайский дизайн (500 дизайнерских коллекций). Китайские архитекторы побеждают в мировых проектах (Ма Яньсун «Пять Башен Абсолют в Канаде»). КНР является страной трех из десяти самых высоких зданий в мире (например, высота Шанхайского всемирного финансового центра составляет 492 метра; он признан одним из самых оригинальных и красивых сооружений мира). Получили всемирную известность: Национальный балет в Пекине, Шанхайский балет, национальные оперные фестивали и т.д. В КНР работают более 1 тыс. художников («новая волна»). Сформировался китайский андеграунд – от социалистического реализма к конфуцианско-рыночным реалиям. XXIX летние Олимпийские Игры в Пекине в 2008 г. по качеству их проведения и организации были признаны лучшими из всех проводившихся до них олимпиад. На них китайские спортсмены

одержали убедительную общекомандную победу (100 медалей), содействовали популяризации спортивных достижений КНР. Более 1 млн зарубежных студентов обучаются в 544 университетах КНР; из США в Китае учится – 10 тыс. чел.

Шестой мегатренд – «Присоединение к миру или глобализация на китайских условиях» – раскрывает развитие КНР как мировой мастерской с конфуцианской спецификой. В 2001 году КНР вступила в ВТО, после чего ее экспорт стал расти на 20–30% ежегодно; оборот внешней торговли составляет более 2,6 трлн дол. с большим положительным сальдо. Большая часть экономики Китая завязана на международные торговые площадки. В 2014 году в России открылся филиал Сельхозбанка КНР – 10-го самого крупного банка в мире, с объемом финансовых средств в 2 трлн дол. Размещение акций (IPO) «Алибабы» (китайской ТНК, занимающейся Интернет-торговлей) в США вывело ее на уровень Google – 250 млрд дол. Объем торговли КНР с ЕС и США составляет по 500 млрд. Учитывая растущую роль КНР в мировой экономике, ее стратегическое значение для США, ученые стали использовать термин «Химерика» (China+Amerika) для характеристики их возможного взаимодействия в финансово-экономической сфере. Децентрализация КНР дает возможность выхода на мировой рынок регионам и т.д. Китай открыт для иностранного инвестирования в фондовые рынки (до 1 млрд дол.). Более 600 млн пользователей Интернета в КНР используют его для торговых, научных и иных отношений с миром. Новейший тренд – возникновение интермедиа и транснациональных медиа; из 10 тыс. новостных ресурсов 2 тыс. существуют в режиме онлайн. КНР – член БРИКС. Возрастает его роль в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке. КНР держит ценные бумаги США на сумму более 1,2 трлн дол.

Китайская национальная платежная система China UnionPay охватывает 141 страну мира и 1 млн банкоматов. К 2015 году было эмитировано более 4 млрд карточек UnionPay; по объему транзакций она обогнала платежную систему Visa. С 2014 года российские банки (Альфабанк, Газпромбанк и др.) все чаще обращаются именно к China UnionPay, имея в виду еще и то, что на нее не распространяются известные санкции Запада. Планируется к 2017 г. эмитировать в России до 2 млн карточек.

Символом открытости КНР к миру выступает крупнейший в мире Международный пекинский аэропорт (построен за 4 года в 2008 г.). Китайские авиалинии считаются самыми безопасными.

Седьмой мегатренд – «Конфуцианская свобода и справедливость» – выражает особенности указанных понятий в КНР. В этой связи ряд известных исследователей (Ф. Фукуяма и др.) полагают, что конфуцианство в принципе не противоречит демократическим преобразованиям в целом ряде сфер. Среди них: традиционная конфуцианская система конкурсных экзаменов для отбора претендентов на должности в госаппарате; введение особой контрольной власти в систему разделения властей; внимание к образованию и просвещению (высокий образовательный уровень является важной основой демократического развития); стремление к постоянному самосовершенствованию и обучению; роль большой семьи как своеобразного института гражданского

общества; значение базовых семейных ценностей и их распространение на все общество и управление; определенная толерантность конфуцианства и его открытость к новациям и др. [11, р. 28] Конфуцианская система ценностей отличается от либеральных принципов, но в современных условиях КНР она демонстрирует свою эффективность [3].

ВВП на душу населения КНР ныне составляет 3,5 тыс. дол. (в Индии – 1,5 тыс. дол.). Система пенсионных выплат стала охватывать 250 млн чел., пособия по безработице получают 150 млн чел. В сельской местности, где таких систем нет, выделяются регулярные субсидии от местных органов власти для наиболее беднейших слоев населения. Внедряется система прожиточного минимума и оценки доходов человека ниже локального стандарта. В КНР 700 млн личных счетов социального страхования. На здравоохранение тратится 3% ВВП, 3 тыс. больниц используют традиционную китайскую медицину (500 тыс. врачей). За последние десятилетия 250 млн чел. переехали в города из сел как работники-мигранты. Национальный вступительный экзамен дает возможность любому китайцу, сдавшему его, попасть в вуз. Развивается дистанционное образование. Центральная школа сельскохозяйственного теле- и радиовещания превратилась в самый крупный в мире институт дистанционного образования (штат – 50 тыс. чел., 3 тыс. филиалов.). Средний класс в КНР – около 400 млн чел. С увеличением доходов, стимулов, заметного роста в сфере услуг и в промышленном секторе в КНР начали проявляться черты общества потребления [9].

Восьмой мегатренд – “От олимпийского золота к нобелевским медалям”. В нем раскрывается смысл становления основ постиндустриального общества и актуализируется программа развития научно-технологической модернизации в КНР. В этой связи следует обратить внимание на создание в Китае «кремниевых долин» – технопарков, например Чжанцзян (объединяет 309 компаний в сфере технологий, ежегодно регистрирует 3 тыс. международных патентов). То же относится и к Циндао, здесь каждый день (!) регистрируется до 10 патентов (9 – технологических). 70% достижений КНР в высоких технологиях не уступают западным. Китайские университеты и бизнес-школы: Тяньцзинская, при Цинхуа, Китайско-европейская в Шанхае и др. – вышли на мировой уровень. Среди лучших ста мировых университетов восемь – китайские. В 2014 году Китай занял первое место в мире (!) по количеству зарегистрированных научных патентов, впервые перегнав по этому показателю США. Обучение и особенно повышение квалификации китайских ученых и управленцев обычно ведется за рубежом в ведущих мировых центрах; с 1996 г. управленческий персонал науки и наукоемких производств набирается только по конкурсу. Китайские айфоны и компьютеры становятся конкурентоспособными с американскими; тем более, что многие части последних производятся именно в КНР.

27 сентября 2008 г. первый китайский космонавт (тайкунавт) Чжай Чжиган осуществил полет на корабле Шеньчжоу-7 с выходом в космическое пространство с китайским флагом в руке. В июне 2012 г. первая китайская женщина-космонавт Лю Ян и ее коллеги на космическом корабле Шэньчжоу-9 совершили двухнедельный полет в космос и произвели ручную стыковку

двух орбитальных объектов. В декабре 2013 г. китайский луноход «Жемчужный заяц» (в литературе Востока тени на Луне похожи на силуэт зайца) достиг Луны, прилунился, благополучно сошел на поверхность и приступил к исследованию спутника Земли. Спутник функционирует до сих пор, передает фотографии Луны, на которых изображены ее вулканические породы и их структуры. К 2020 г. планируется высадка китайских космонавтов на Луне, а в 2030 г. – открытие постоянной лунной обитаемой базы Китая.

В КНР созданы конкурентные региональные самолеты. К 2020 году планируется создать самолет, равный Боингу, лучший в мире электромобиль и др. В 2014 году, по данным МВФ, экономика КНР стала крупнейшей в мире. По паритету покупательной способности ВВП КНР составил 17,6 трлн дол., США – 17,4 трлн дол. В 2010–2014 гг. КНР опережала США уже не только по темпам экономического развития (соответственно 8% и 2–3%), но и по объему прироста ВВП. При сохранении этих темпов развития к 2019 г. китайский ВВП по паритетной покупательской способности сможет опередить США почти на 5 трлн дол.

Итак, указанные мегатенденции и тренды помогают глубже понять причины и условия успешного развития КНР в начале XXI века. Среди них: эффективная политика градуалистских (постепенных и выверенных) реформ; устойчивость политической системы; армия дешевых, а сегодня квалифицированных и ответственных работников; экспортно-ориентированная промышленная политика: западные технологии в обмен на китайский рынок, а ныне китайские технологии, завоевывающие западные рынки; удобный для КНР, несколько заниженный курс юаня и его предложение в качестве резервной мировой валюты; емкий внутренний рынок и др. [14]

Управление по мегатрендам помогает лучше понять и реагировать на известные проблемы развития КНР. Среди них: «перегрев экономики», социальное и региональное неравенство, достаточно низкий уровень валового национального продукта на душу населения, некоторое снижение темпов экономического развития (до +7%) в последние годы, противоречия в развитии гражданского общества (неотрадиционалистский и западноориентированный тренды) и др.

Суммирующим мегатрендом и/или долговременной задачей развития КНР стала выдвинутая ее руководством в 2013 г. концепция «Китайской мечты». Она включает в себя три цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации (национальный подъем) и обеспечение счастливой жизни для народа (народное счастье) [1].

Для этого в стране необходимо: 1) двигаться вперед по собственному «китайскому пути», найденному в результате длительных и трудных поисков; 2) «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации; 3) «сплотить силы Китая». «“Китайская мечта” – это национальная мечта, это мечта каждого китайца», – отмечал Си Цзиньпин. Об этой мечте писал и Дэн Сяопин [2, с. 123]. В ней должно быть устранено противоречие между двумя моделями взаимоотношения власти и народа: «народ для государства» (легистская модель) и «государство для народа» (конфуцианская модель). Только в «породнении» государства с народом «китайская мечта» может реализоваться.

В рамках «китайской мечты» следует выделить стратегическую программу превращения Китая в современную постиндустриальную державу и формирования постиндустриального общества, охватывающую период в 70 лет! – с конца XX в. и до середины XXI века. Эта стратегия развития Китая (1980–2050 гг.) включает три этапа.

В период до 2010 г. в КНР было намечено создать «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения «до уровня малого благосостояния» («сяокан»). Эти цели были достигнуты.

Задачи второго (современного) этапа (2011–2030 гг.) состоят в осуществлении развернутой научно-технической революции и создания основ информационного общества.

Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай на постиндустриальный уровень и к середине XXI в. «засыпать падь», отделяющую его от высокоразвитых стран в области экономики и техники.

Данная задача соответствует мысли Конфуция: «Продумывая далекое, не столкнешься с неприятностями в ближайшем будущем» [5, с. 112].

В 2013 году КНР провозгласила концепцию «Нового Шелкового пути», включающую экономический и морской пояса. Экономический пояс предполагает строительство железных и иных дорог, а также систем газо- и нефтеснабжения, охватывающих Северо-Западные провинции Китая, Центральную Азию (Казахстан, Киргизию и др.) и Россию до Западной Европы. В перспективе по железной дороге из Пекина до Москвы (или наоборот) можно будет доехать за 48 часов, вместо нынешних семи суток. КНР готова выделить до 10 млрд дол. для участия в строительстве железной дороги Москва – Казань как участка стратегической магистрали Пекин – Минск. Между Россией и КНР заключен долгосрочный договор на общую сумму в 400 млрд дол. о тридцатилетней поставке российского газа в Китай по трубопроводу «Сила Сибири».

У России есть все возможности, чтобы ее территория была не только пространством транзита между Европой и Китаем, но и важным активом и ресурсом развития.

Управление по мегатенденциям в конфуцианских странах демонстрирует ряд общих подходов и принципов. Среди них: эффективная вертикаль власти (по сути, одна долговременно доминирующая партия в формально многопартийной политической системе); управляемая неоконфуцианская демократия; сплоченная и инновационная правящая элита; рациональная, конкурентоспособная экспортно-ориентированная стратегия экономического развития; создание и функционирование мощных макрорегиональных или даже мировых валютных бирж (4-я по объему торгов в мире находится в Сингапуре); творческое сочетание конфуцианских традиций и ценностей с современными потребностями общества; умелое использование принципов нового государственного менеджмента в конфуцианской среде; последовательная антикоррупционная политика; умелое разрешение или уклонение от крупных вооруженных конфликтов в международных отношениях и др.

Опыт разработки и анализа мегатенденций развития КНР имеет значение не только для государств конфуцианской цивилизации. Он может быть использован и в России.

Во-первых, при разработке управленческих мегатенденций развития России целесообразно рассматривать ее не только как государство, но и как цивилизацию с соответствующей системой базовых ценностей.

Во-вторых, в условиях нашей страны особое значение приобретает построение эффективной вертикали власти: государство – бизнес – гражданское общество с постоянной обратной связью в парадигме «электронного правительства».

В-третьих, желателен переход от неолиберальной стратегии управления обществом к системной управленческой модели, объединяющей концепции как нового государственного менеджмента, так и публично-ценностного руководства применительно к российским условиям институциональной среды.

В-четвертых, необходима постоянная государственная поддержка и развитие внутреннего, национального рынков товаропроизводителей (особенно мелких и средних), повышение его емкости; создание особых условий для разработки инновационных технологий и науки.

В-пятых, большая ориентация на использование потенциала формирующихся систем резервных валют и вхождение в них. Формирование в России в 2015 г. Национальной системы платежных карт (НСПК) и подписание с рядом государств соглашений о прямых взаиморасчетах в национальных валютах практически сразу привело к укреплению рубля.

В-шестых, дальнейшее развитие сотрудничества со странами БРИКС, а также всего конфуцианского ареала.

В свое время президент США Р. Рейган заметил: «Америка никогда не уступит ни одной стране мира первенство в информационных, военных и банковских технологиях, ибо потеря даже одного из этих приоритетов “технологической безопасности” аналогична проигрышу в войне». По первым двум направлениям КНР уже начала реально конкурировать с США, а в недалеком будущем предполагает сделать юань конвертируемой валютой. В 2014 году юань по его востребованности и роли в мировом торговом обороте занял четвертое место мире (после доллара США, евро и йены), опередив австралийский и канадский доллары.

КНР заметно увеличила свой валютный вклад во Всемирном банке, играет важную роль в Банке развития БРИКС, создала в октябре 2014 г. в Пекине мощный Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ – Asian Infrastructure Investment Bank – АИВ), с уставным капиталом более 100 млрд дол. Он рассматривается как соперник МВФ и Всемирного банка. Членами АБИИ стало большинство государств Азии и Европы, включая Россию (США, как известно, выступили против создания этого Банка и открыто призывали своих союзников игнорировать этот проект).

Будущее покажет, сможет ли конфуцианская цивилизация и соответствующая система ее управления должным образом ответить на вызовы XXI века, неуклонно расширяя свой человеческий, научно-технологический, управленческий и культурный ареал в современном мире. Равноправное и взаимовыгодное взаимодействие и сотрудничество с государствами этой цивилизации, творческое использование их управленческого опыта будут иметь существенное значение для России.

Список литературы

1. *Авдокушин Е.С.* «Китайская мечта» Дэн Сяопина и ее современные интерпретации // Успехи и проблемы современной модернизации Китая. Великие экономисты и великие реформаторы. К 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина: материалы III междунар конф. / под ред. Н.М. Нуреева. М.: Фин. ун-т при Правительстве Рос. Федерации, 2014. С. 39–43.
2. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая / пер. с кит. М.: Политиздат, 1987. 259 с.
3. *Захария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
4. *Ирхин Ю.В.* Пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации: где пределы проекта? // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Политико-коммуникатив. науки. 2015. № 1.
5. *Конфуций.* Лунь юй / под ред. Л.С. Переломова. М.: Восточ. лит., 2001. 168 с.
6. *Ли Куан Ю.* Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / пер. с кит. А. Боня. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 576 с.
7. *Мегатренды:* основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.
8. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае* / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
9. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
10. *Сивинцева О.В.* Новый государственный менеджмент в институциональной среде современного Китая: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2015.
11. *Fukuyama F.* Confucianism and Democracy // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 2.
12. *Naisbitt J.* Megatrends Asia. N.Y.: Touchstone, 1997.
13. *Naisbitt J., Naisbitt D.* China's Megatrends: The Pillars of a New Society. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2012.
14. *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford: Stanford University Press, 2004.

Получено 02.03.2015

References

1. Avdokushkin, E.S. (2014), "Deng Xiaoping's "Chinese dream" and its modern interpretations", *Uspexi i problemy sovremennoj modernizacii Kitaya. Velikie ekonomisty i velikie reformatory. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Dena Siaopina: materialy III Mezhdunarodnoj konferencii* [The successes and problems of modern China's modernization. Great economists and great reformers. By the 110th anniversary of the birth of Deng Xiaoping: Materials of III International Conference], in Nureev, N.M. (ed.), Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoj Federacii, Moscow, Russia, pp. 39–43.

2. Deng Xiaoping (1987), *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The main issues in modern China], Politizdat, Moscow, Russia, 259 p.
3. Zakaria, F. (2004), *Budushhee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ix predelami* [The future of freedom. illiberal democracy at home and abroad], Translated by Inozemcev, V.L. (ed.), Ladomir, Moscow, Russia, 383 p.
4. Irhin, Yu.V. (2015), "The spatial and temporal areal of Confucian civilization: where's the limits of the project?", *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politiko-kommunikativnye nauki*, no. 1.
5. Confucij (2000), *Lun' Yuj* [Lun yu], in Perelomov, L.S. (ed.), *Vostochnaya kniga*, Moscow, Russia, 168 p.
6. Lee Kuan Yew (2013), *Iz tret'ego mira – v pervyj. Istoriya Singapura (1965-2000)* [From the Third world to in the First. History of Singapore (1965-2000)], Translated by Bonya, A. OOO "Mann, Ivanov i Ferber", Moscow, Russia, 576 p.
7. Shakleina, T.A and Bajkov, A.A. (ed.) (2013), *Megatrendy: Osnovnye traektorii e'voljucii miroporyadka v XXI veke* [Megatrends: basic trajectories of the world order evolution in the XXI century], Aspekt-Press, Moscow, Russia, 448 p.
8. Lapin, N.I. (ed.) (2011), *Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitaye* [The review report on the modernization in the world and China], Ves' Mir, Moscow, Russia, 256 p.
9. Perelomov, L.S. (2007), *Konfucianstvo i sovremennyy strategicheskij kurs KNR* [Confucianism and modern China's strategic course], LKI, Moscow, Russia, 256 p.
10. Svinceva, O.V. (2015), "New public management in the institutional environment of modern China", Abstract of Ph.D. dissertation, Political institutes, processes and technologies, Perm State University, Perm, Russia.
11. Fukuyama, F. (1995), "Confucianism and democracy", *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 2.
12. Naisbitt, J. (1997), *Megatrends Asia*, Touchstone, N.Y., US.
13. Naisbitt, J. and Naisbitt, D. (2012), *China's megatrends: the pillars of a new society*, Harper Collins Publishers, N.Y., US.
14. Yang Dali L. (2004), *Remaking the Chinese leviathan: market transition and the politics of governance in China*, Stanford University Press, Stanford, US.

MANAGEMENT AND PROJECTIVE POTENTIAL OF THE MEGATRENDS OF CHINA SOCIAL DEVELOPMENT AND ITS SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Yury V. Irhin

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82
Vernadskiy str., Moscow, 119571, Russia*

*Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia
E-mail: Irkhine@mail.ru*

The article analyses basic megatrends of the development and management of the Confucian countries. The author researches modern Confucian models management and geopolitics of People's Republic of China as a civilization-state. He shows its achievements, advantages, problems and perspectives. Special attention is paid to the analysis of management potential of the megatrends of social development of PRC.

The article shows the significance of the modern China Neo-Confucius experience of management for Russia.

Key words: megatrends; Asian values; Confucius; new public management; institutional environment